УДК 94(47).084.8
DOI: 10.36979/1694-500X-2026-26-6-37-45

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ПОНИМАНИЯ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (1941–1945 гг.)

М.П. Репникова, К.М. Алиева

Аннотация. Рассмотрена цивилизационная значимость Великой Победы советского народа над нацистской Германией в Великой Отечественной войне (1941–1945). Подчеркнут феномен Великой Победы советского народа над порабощением человека и прогрессивного человечества, избавление от человеконенавистнической 5000-летней идеи рабства (человек в собственности другого человека) и уничтожение фашистской идеологии привилегированного, исключительного и иерархичного (социального, интеллектуального, расового физического и т. д.) превосходства человека. Показано психологическое воздействие на неприятеля беспрецедентного случая – оставления Москвы в 1812 году жителями и вывода М.И. Кутузовым русской армии из Москвы. Представлено саморегулирующее противостояние духовных ценностей советского народа социопсихологическому воздействию перманентного состояния фашистской идеологии и фашистской концепции развития цивилизации.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года; Великая Отечественная война (1941–1945); 80-я годовщина Великой Победы; Вторая мировая война; советский народ; психологическая война; парадигмальный слом; фашистская идеология.

УЛУУ АТА МЕКЕНДИК СОГУШТАГЫ (1941–1945) СОВЕТТИК ЭЛДИН УУЛУ ЖЕҢИШИНИН ЗАМАНБАП ТҮШҮНҮҮНҮН СОЦИАЛДЫК-ПСИХОЛОГИЯЛЫК НЕГИЗДЕРИ

М.П. Репникова, К.М. Алиева

Аннотация. Бул макалада совет элинин Улуу Ата Мекендик согушта (1941–1945) нацисттик Германияны жеңген Улуу Жеңишинин цивилизациялык мааниси каралган. Совет элинин Улуу Жеңиш феномени төмөндөгүдөй түшүнүктөрду камтыйт: адамдын жана прогрессивдүү адамзаттын кулчулугун текке чыгаруу, адамды жэк көргөн 5000 жылдык кулчулуктун расалык идеясынан (адамды менчик катары) адамзатты бошотту, фашисттик идеологиянын негизин: эксклюзивдүү жана иерархиялык, (социалдык, интеллектуалдык, расалык, физикалык жана башка) адамдын артыкчылыктуулугун жок кылынышы. Болуп көрбөгөндөй окуянын – 1812-жылы Москваны тургундары таштап кетиши жана орус армияны М.И. Кутузов Москвадан чыгарып кетиши – душманга психологиялык таасири көрсөтүлгөн. Фашисттик идеологиянын туруктуу абалынын жана цивилизациянын өнүгүүсүнүн фашисттик концепциясынын социалдык-психологиялык таасиринине совет элинин руханий баалуулуктарынын өзүн өзү жөнгө салуучу карама-каршылыгы макалада көрсөтүлгөн.

Түйүндүү сөздөр: 1812-жылдагы Ата Мекендик согуш; Улуу Ата Мекендик согуш (1941–1945); Улуу Жеңиштин 80 жылдыгы; Экинчи дүйнөлүк согуш; советтик эл; психологиялык согуш; парадигмалык сынык; фашисттик идеология.

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL FOUNDATIONS FOR THE MODERN UNDERSTANDING OF THE GREAT VICTORY SOVIET PEOPLE'S IN THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

M.P. Repnikova, K.M. Alieva

Abstract. This article examines the civilization significance of the Soviet People's Great Victory over Nazi Germany in the Great Patriotic War (1941–1945). And the phenomenon of the Great Victory of the Soviet people over the enslavement of man and progressive humanity will be emphasized, the liberation from the misanthropic 5000-year-old idea of slavery (a person in the property of another person) and the destruction of the fascist ideology of privileged, exclusive and hierarchical (social, intellectual, racial, physical, etc.) superiority of man. The psychological impact on the enemy of an unprecedented event – the abandonment of Moscow by its residents in 1812 and the withdrawal of the Russian army by M.I. Kutuzov – is demonstrated. The article presents the self-regulating confrontation between the spiritual values of the Soviet people and the sociopsychological impact of the permanent state of fascist ideology and the fascist concept of civilization development.

Keywords: Patriotic War of 1812; the Great Patriotic War (1941–1945); 80th anniversary of the Great Victory; World War II; Soviet people; psychological warfare; paradigm shift; fascist ideology.

Введение. 80-я годовщина Великой Победы советского народа над нацистской Германией в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) – важное событие и политический факт постиндустриального мира XXI века, цивилизационная значимость которого состоит в историческом сокрушении фашизма, ликвидации угрозы порабощения и геноцида народов мира, возрождении их государственного суверенитета и искоренении понимания вещной сущности человека как собственности. Сегодня различают разные, но взаимосвязанные понимания: Победа советского народа и освобождение Родины от гитлеровских захватчиков. Феномен Великой Победы советского народа над порабощением человека и прогрессивного человечества, избавление от человеконенавистнической 5000-летней идеи рабства (человек в собственности) и уничтожение фашистской идеологии привилегированного, исключительного и иерархичного (социального, интеллектуального, расового физического и т. д.) превосходства человека.

Объективное научное исследование феномена Великой Победы во Второй мировой войне связывают с важнейшими вопросами современного периода истории. В связи с логико-методологическим поворотом постнеклассической науки XXI века назрела необходимость переосмысления некоторых представлений и оснований социокультурных ориентиров накопленного динамичного информационного массива всего исторического проблемного пространства. И в этом смысле особую актуальность приобретает необходимость определения и формирования новых основополагающих смысложизненных понятий, моральных нравственных и этических общественных принципов.

С другой стороны, научные публикации по этой проблематике становятся периодическими и посвящены, скорее, персонам и юбилейным датам, содержание которых не совсем раскрывают и связывают только с социально-психологическим состоянием (т. е. подъемом духовного самочувствия, смыслостабильностью своего самобытного мира, верой и волей, а также жизнеспособностью и жизнестойкостью каждого индивида, солидарностью и единством всего общества) советского народа в Великой Отечественной войне, отсюда возникает сомнение в критериях подлинности и истинности таких научных эмпирических исследований. В этой связи междисциплинарные методы гуманитарных исследований, в том числе метод конкретной ситуации (case-study или кейс-технологии), т. е. реального факта, информационно-коммуникативные технологии и цифровая визуализация, широкое распространение технико-технологического научного мировоззрения и открытый доступ к информации выявляют разные интересные нюансы инструменталистской природы научно-исследовательских опытно-конструкторских работ (НИОКР), определяющих Вторую мировую войну как авантюрный феномен военной экспансии индустриального мира XX века.

Сложность эпистемологического измерения Второй мировой войны. В понимании главной геополитической причины Второй мировой войны как исторические, так и большинство междисциплинарных, исследования XXI века выделяют различные конструктивные обоснования ее каузальности, так как именно эта ее сложная полиморфная причинность и представляет единственное неизбежное историческое решение не только идеологического противопоставления, но и политических, экономических, военных, социальных и других неразрешимых противоречий индустриального мира XX века. При всем том в исторических науках сегодня как эта ее неизбежность, так и ее однозначность оспариваются. Но безусловно то, что экономические интересы государственно-монополистического капитализма нацистской Германии и ее территориальная экспансия, предполагающая передел мира, господство и контроль на рынке минерально-сырьевых ресурсов – основные. Экономическому росту Германии в 1941 году способствует значительный вклад экономик захваченных европейских государств, поэтому она интенсивно генерирует концепцию «молниеносной» (нем. *blitzkrieg* – блицкриг) ликвидации общественного строя СССР. Этот явно выраженный идеологический смысловой контекст (как блицкриг – войны) Второй мировой войны предполагает реанимацию социокультурных ориентиров ценностной системы и общественных отношений индустриального мира XIX века, основанного на частнокапиталистической собственности на средства производства и на эксплуатации труда рабочих (юридически свободных). Имперские интересы Германии и ее лидера: национал-социалистической немецкой рабочей партии (нем. *Nationalsozialistische Deutsche Arbeitepartei* (*NSDAP*), предполагают ресурсный (экономический, политический, демографический, трудовой и т. д.) передел мира, а пропагандистская кампания разрабатывает информационную войну для решения более глубинных стратегических целей социально-политического и культурно-идеологического передела общественного сознания, системы ценностей, образа, критериев, норм; мировоззрения, существования, а также значительной трансформации (физической, эмоциональной, духовной, ментальной) сознания и психологии советского человека. И в таком понимании Великую Отечественную войну (1941–1945 гг.) следует определить, прежде всего, как цивилизационную войну [1] вследствие столкновения разных отличных самобытных культур условного западного (Европы) и условного восточного (Евразии) мира. В историографии понятие «Отечественная война» соответствует двум историческим событиям: Отечественной войне 1812 года русского народа и Великой Отечественной войне советского народа (1941–1945). Их переосмысление определяет сравнительно-сопоставительное исследование социально-психологических оснований противостояния и сопротивления самих народов военной захватнической имперской идее и наполеоновских представлений и гитлеровских планов в формировании «нового мирового порядка» как структурного перераспределения мира. Эти реальные исторические события с научной точки зрения в контексте историко-сравнительного (компаративистского подхода) представляют необходимость определения исторической правды на основании выделенного системопределяющего детерминанта «Отечественная война».

Взаимозависимые, но различные понятия, такие как культура и цивилизация, показывают комплементарные ветви динамики развития национального кода целого народа, т. е. совокупности архетипов коллективного бессознательного, национальной идентичности, философии и исторической памяти. В таком понимании онтологическим основанием германской экспансии является противостояние традиционной европейской культуры, как особой элитаристской совокупности духовных ценностей, высоких достижений человеческого разума и совершенной личности, новой советской культуре и советскому укладу жизни, а отсюда полное неприятие Советского Союза в европейской цивилизации XX века. Победа 9 мая 1945 года советского народа разрушила антигуманную гитлеровскую экспансионистскую идею и эту фашистскую цель унифицирования этой гражданской идентичности человека.

Это системоопределяющий фактор сложного каузального переплетения, внутренней

причинности Второй мировой войны и сопротивления устойчивому новому порядку становящегося нового цивилизационного сознания XX века. Но это и устойчивое понимание, что заложены начала трансформации классических представлений различения культуры (как только сущности) и цивилизации (как ее формы и проявления). В свете цивилизационного подхода единство составляющих: внутреннего, т. е. культуры, и внешнего, т. е. цивилизации, предполагает самоорганизацию или мировую динамику развития.

Приоритетная цель Второй мировой войны – подавление воли свободного человека, постулирующего логическую максиму смысловой значимости и прогрессивной истины XX века, а отсюда она преследует прагматические цели последовательных субъективных приверженцев-фанатиков. И именно этот системный ракурс эксплицирует преступную фашистскую идею, содержащую искоренение свободы воли и осознание фундаментальной независимости человека как его оприродной сущности, т. е. изначального саморегулирования и самоопределения самого себя – человека в смысле и назначении: «человек есть сущее бытия». В таком понимании осмысление Великой Победы следует основывать на неразрывной связи постулата Умберто Эко [2] о «вечном фашизме», т. е. не только о перманентном состоянии идеологии, а о концепции развития всей цивилизации.

Экономический рост, вызванный промышленной революцией XIX века, осуществил значимую сложную антропологическую трансформацию человека как основной индустриальной компоненты, т. е. рабочей силы, техногенной цивилизации. Отсюда это онтологическое основание германского нацизма, генерирующего политическое идеологическое движение как общепсихологическое состояние всей европейской культуры не только XX века, но и идеологическую войну против коммунистической веры. Таким образом, сущность фашистской диктатуры – в генерировании неорабства: уже в 1942 году Германия интенсивно эксплуатирует остарбайтеров (*нем.* – восточных рабочих) в реабилитации вещной долевой природы человека и (сверх)прибыльной культуры распределения труда, т. е. она реконструирует своё, традиционное, мироустройство доиндустриального мира. Фашизм остается и сегодня реальным носителем такой экологической гуманитарной катастрофы. И как следствие неопределенного роста этой идеи – это угроза глобализационного риска всей цивилизации, которому противостоит человек и его вера в собственный рациональный выбор реального существования.

Уже в середине 1940 годов [3] вследствие индустриализации (с эффективной доминирующей тяжёлой промышленностью) экономика СССР представляет одну из передовых экономик мира. Это и есть основание становления политической, экономической независимости и наращивания военного потенциала страны, т. е. стратегическая задача социалистического государства. И при этом становление коммунистического общества, основанного на общечеловеческих ценностях: равенстве, справедливости и свободе, есть цивилизационный прорыв, в котором не последняя роль, вполне обоснованно и справедливо, принадлежит человеческой вере как социально-психологическому феномену. И в этом смысле цементирование новой исторической наднациональной социокультурной самоидентичности закладывает системопределяющую политическую идеологию: коммунистическую идентичность. И вновь преобладает рациональный выбор реального существования, т. е. два ее феномена: индивидуальный и коллективный как «советский человек и советский народ».

В коллективном феномене осознания коммунистических идеалов несомненно важно иное – это уникальное общественное самосознание нового единого народа, укорененного в исторической многонациональной евразийской целостности как советского народа. Значение этого социокультурного измерения в философско-исторической рефлексии особенно актуально, так как сегодня психологические, информационные, информационно-психологические войны все чаще представляют как военные инновационные реалии высокотехнологического мира. Этот вызов современности требует глубокого осмысления и рационального решения не только научного, но и всего

интеллектуального императива XXI века. Так, сущность информационно-психологической войны – не новая и известная, как выше показано, не только со времен Второй мировой войны. Тем не менее многочисленные современные определения [4] полагают, что информационные войны – войны нового типа, интенсивные новые параметры которого обоснованы эффективными военными технологиями, высокой «всюдностью», темпоральностью и полиморфностью трансформации (и ликвидации) информационных ресурсов глобальной сети. И это неоспоримый факт. Однако социо-политический ракурс информационной войны отдельно выделяет высокие технологии целесообразного коммуникативного тотального воздействия на сознание населения на территории всех стран. И это тот самый важный ракурс Второй мировой войны: реанимирование всей совокупности социально-экономических общественно-политических отношений классового распределённого индустриального мира и реабилитации его социокультурных приоритетов (ее «вечных» констант). Так, фашистское предвидение 1940 годов информации как нового оружия массового поражения, как оказалось, имеет неограниченное геополитическое деструктивное преимущество, прежде всего, на коллективное сознание, так как интенсивно генерирует психологическое истощение (забывчивость, рассеянность, усталость) и состояние (панику, тревогу, страх, стресс); осуществляет дезинформирование, моделирует нервно-психические расстройства (не)определенного множества людей, разных неконтролируемых категорий населения любого возраста. В таком смысле, и особенно назначение этого информационного оружия, содержит трансформацию когнитивного основания цивилизации и со времен айтматовского манкурта [5] представляет как понимание антропологического риска (и кризиса) XX века.

В 1982 году высказана идея информационного общества как типа социальной организации постиндустриального общества [6]. Однако, ранее, в 1954 году, Ё. Масуда выделяет в Японии понимание национальной идеи: взаимозависимость общественного сознания и технико-технологического знания. В 1962 году австрийско-американский экономист Ф. Махлуп и в 1963 году японский антрополог Т. Умесао [6] уже определяют теоретическое основание «информационного общества»: информационные технологии генерируют технологическое общество. Это иной однородный «бесклассовый» недифференцированный общественный порядок, а значит неопределенный, рискогенный и турбулентногенный. И, действительно, «трансформационные сдвиги, сложно-структурированность и функционально-взаимозависимость современного социума подтверждают бэконовское и веберовское понимание роли знания как института властвования» [7]. Так, парадигма понимающей социологии информационного общества цементирует восприятие не знания, а прагматическое потребление информации в форме ее алгоритмов, т. е. ту «мягкую силу» применения легитимного насилия захвата когнитивных ресурсов человек. И гитлеровская идеология эффективно использует как политическое оружие веберовскую концепцию информации как власти [7].

Так, в исторической науке распространение эффективной гипотезы навязывания воли путем войны обосновано еще тем, что вооружённые организованные конфликты – устойчивая форма существования многих государств. Их различают. Так, вследствие конкуренции за территорию, природные ресурсы войны аграрной эпохи, преимущественно – захватнические, в том числе и колониальные, а на более поздних этапах мировой динамики – за рынок сбыта; а сегодня – за информацию, религию и идеологию, но это сложные гибридные войны. Теоретическое измерение происходящих войн в XXI веке представляет их сущность как геополитическую технологию (перераспределения) ресурсного передела мира. И в этом случае, несомненно, веским аргументом выступает мощность ядерного и термоядерного оружия (9 государств), которая составляет 16 тысяч единиц, что в 1 миллион раз больше мощности атомной бомбы «Малыш», уничтожившей Хиросиму, а 0,5 % этого запаса достаточно для уничтожения человечества. Именно утрата человеком власти и контроля над научно-технико-технологическим прогрессом содержит сущность проблемы современного милитаризма.

В годы Второй мировой войны убыль населения планеты составляет около 65,0 миллионов человек, в том числе 26,6 млн человек – в СССР [8], т. е. в 10 раз выше, чем в пандемию COVID-19 (зарегистрировано 7,112927 миллионов летальных случаев)[1]. Это антропологический кризис и преступление XX века. В этом контексте основная фашистская цель – ликвидация многонационального СССР – доказывает его индустриальную немощь. Эти социально-психологические сдвиги и интеллектуально-политический фарс должны были вызвать дезонтологизацию мира. Так, в 1941–1945 годы феномен многонационального советского народа становится основанием и структурообразующим фактором конструирования фашистской пропаганды и психологических политтехнологий на Северо-Западе СССР [9], где проживают представители разных народов: коми, русские, украинцы, евреи, финны, поляки, немцы, эсты, сету, карелы, ижорцы и т. д. В этом регионе СССР население эффективно формирует собственное гражданское общество вследствие взаимопроникновения и коммуникативного взаимодействия социокультурных регулятивов, культуры, ментальности, образования, уклада, мировоззрения, конфессий, религий, т. е. совокупность духовных и нравственных ценностей, регулирующую государственную идеологию и политику СССР. При этом особое значение имеет влияние исконно русских достижений и социокультурных ориентиров, в частности созданы русскоязычные школы. Известно, что в СССР в период с 1914 по 1940 год численность школ увеличивается с 77,3 тыс. до 116,9, а вузов – с 72 до 456 тыс. В вузы отправлены лучшие представители интеллигенции: высокопрофессиональные педагоги, медицинские работники и представители технических профессий.

Тем не менее, на оккупированной территории интенсивно, почти сразу, ключевые позиции системы управления, созданной фашистами, занимают националистические, сотрудничающие с оккупантами и антисоветски настроенные против СССР граждане, завербованные ранее, до оккупации [10]. Так, были сформированы и оптимально оснащены карательные отряды полной «ликвидации нежелательных элементов» под управлением военных комендатур Германии. Разработаны экономические инструменты: система налоговых льгот, избирательный прием на службу гитлеровцам (переводчиков, среднего технического персонала и т. д.), продуктовые премии и т. д. [10]. Эффективно действовала информационная система: агентурная (системный анализ) сеть из местного населения. Известно, что гитлеровское командование разработало до мельчайших деталей оккупацию территории Северо-Запада до нападения на СССР, полностью изменив политическую культуру войны для германизации своего «жизненного пространства». Важно, что тактика массового террора и полного беспощадного истребления советского народа, т. е. всего гражданского населения, представляет нарушение международного гуманитарного права во время войны и является военным преступлением. Но гитлеровское командование разрешало воинское преступление каждому солдату. Эта гитлеровская идея стала стратегическим основанием информационной войны Второй мировой.

Сложность исторического измерения советского пособничества фашизму. Современному человеку XXI века с высоким уровнем саморефлексии и саморегуляции информационного общества сложно понять действия гитлеровского фашизма, так как они – бессмысленные (фанатичный фашизм) и беспощадные, т. е. варварские. Онтологическое обоснование этого «арийского» расизма (пролетаризированной европейской культуры): декларирование естественного – оприродного – неравенства человека, устанавливаемое и принимаемое как цивилизационный инструментарий структурного нормирования общества, что предполагает необходимость его сосуществования сервильного, т. е. рабской психологии и безусловного подчинения, человека. Это условие существования «вечного фашизма».

Однако совершенно нет рациональных оснований, которые могли бы определить сущность всего когнитивного состояния человека

[1] Number of COVID-19 deaths reported to WHO (cumulative total). URL: https://data.who.int/covid19/deaths Всемирная организация здравоохранения (дата обращения: 30.03.2026).

в его пособничестве фашистским оккупантам, наблюдаемое в Великой Отечественной войне и в тылу, и на поле боевых действий. В 1941–1945 годы около 80,0 млн советских людей были оккупированы. Это – политическое, экономическое, военное, социально-психологическое, т. е. известное явление, но и не полно исследованный феномен, содержащий факты предательства [11–13]. Или это сотрудничество – сознательная и полиморфная деятельность только против государства СССР, а не против своей родины и не против своего отечества? Это сплоченный ответ цивилизационному вызову как идее советского народа и СССР? В таком ракурсе пособничество выступает как однозначное политическое убеждение, а не социально-психологическая мотивация, как пытаются представить некоторые как отечественные, так и зарубежные исследователи. Сущность пособничества и формы его существования – не праздный вопрос и современных реалий. Но в большинстве случаев осуждаемый: как протестное социальное противостояние против советской власти оно до сих пор понятное, правда не всем современникам, несмотря на то, что после дезинтеграции СССР демаркация понимания Родины (культурологического концепта) и Отечества (исторического концепта) – не всегда тождественные понятия – определяется более строго (остро). И они, все же чаще, не совпадают с таким образованием, как государство (как политическим концептом) СССР. Но Великая Отечественная война – война народов СССР, и уже поэтому сегодня социокультурная пособническая проблематика требует актуального переосмысления, регулирования, назначения и реальных условий существования понимания такого современного феномена, т. е. оценки.

Научное исследование этого феномена обосновывают нашествием социально-психологических воздействий XX века. В самобытной русской культуре, в народном менталитете и в духовных началах не культивируется идея превосходства человека над природой, и, более того, его господства над ней. К примеру, в фольклоре, в верованиях, в социально-бытовом укладе проявляется укоренившееся ранее духовное единение человека, общества и природы как онтологическое основание русского мира. Отсюда вопросы демаркации, вплоть до сегрегации и фашизма, далее имеют продолжение в таком контексте, что утратил человек: власть или контроль, над кем или чем? Отечественная история XX века изучает феномен массовых политических репрессий 1937 годов, социально-психологические процессы конформизма, паники и эйфории, идеологический партийный фанатизм, различные идеологические субкультуры, коллективные стрессы и т. д. как следствие агрессивной идеологической суггестии командно-административной власти. Именно они вызывают сдвиги социокультурных ориентиров? Их влияние определяет социокультурную стабильность развития общества или историческая и социальная память, т. е. фундаментальные основания народа? Основополагающим в национальной духовной культуре является присутствие устойчивого коллективного доминантного архетипа (культурного кода) народа-победителя. Так, к примеру, исторический факт: 1 сентября 1812 года на военном совете в Филях М.И. Кутузов принимает беспрецедентное решение: оставить Москву. Наполеон, начиная этот поход, не очень ясно представлял себе его перспективы. Он впервые столкнулся с ожесточенными действиями русских партизан (в исторических архивах есть фактологические сведения об организации партизанского движения), с глухим молчанием императора Александра I в ответ на все засылаемые в Петербург предложения о мире и, наконец, с таким феноменом, как оставление Москвы жителями, и вывод из неё войск русской армии. Пустой, полыхающий в огне пожаров, обезлюженный город Москва без продовольствия и припасов оказал деморализующее психологическое воздействие на французскую армию, превратив её в сборище грабителей и в толпу мародёров. Состояние всей французской армии было настолько подавленным, что у Наполеона оставалось только два выхода: немедленно заключить мир или начать отступление. Он принимает решение и уходит из Москвы 7 октября 1812 года. После неудачной попытки прорваться в южном направлении (сражение при Малоярославце) он повернул на Смоленск. Великая французская армия, вошедшая 2 сентября 1812 года в Москву,

подвергшись такому психологическому воздействию, когнитивному шоку (вандализм французских солдат в Москве подтвердил культурную нищету просвещенного европейца XIX века) и самовнушению, всего лишь после полутора месяцев, т. е. уже в октябре 1812 года, отступает, бросая на дороге трофеи, пушки, раненых и отставших солдат. Неорганизованное отступление постепенно превратилось в беспорядочное хаотичное бегство толпы: из 146 тысяч отступавших французов спаслись только 14,2 тысяч человек. Но даже такой исторический социокультурный факт не раскрывает случаи пособничества населения в Отечественной войне 1812 (июнь–сентябрь) года. Сегодня военно-стратегическое решение М.И. Кутузова признают не только как прозорливую продуманную блестящую военную технологию, но и представляют как взаимопонимание и доверие между народным полководцем и народом, его веру в боевое духовное основание народа, его глубокое убеждение в морально-волевые качества каждого солдата, а поэтому в боевую мощь своей армии. Это социально-психологическое единение и социально-психологическая самоорганизация во имя спасения Отечества есть основание победы.

В связи с этим иной, не изученный сегодня, аргумент: есть мнение, что степень критического мышления индивида индустриального и, особенно, постиндустриального общества развитых стран настолько высокая, что позволяет ему контролировать свое эмоционально-психологическое состояние. Однако реалии современности показывают обратное: атомизированное общество, несмотря на свой интеллектуальный императив и техногенную нормированность, не менее чем наполеоновская армия, резонирующее и активное, т. е. и падкое на психотропное воздействие, и представляет стрессогенерирующее психогенное, хотя и не всегда достаточно рациональное, образование. К примеру, высокий уровень тревожности и проявление панического состояния некоторых групп населения в период пандемии COVID-19, выразившееся в вымышленных различных случаях негативных психологических реакций, развитие психических расстройств и высокой летальности, массовая скупка лекарственных препаратов фармакологической индустрии, в том числе и психотропных медикаментов, массовое недоверие медицине и отказ от вакцинации COVID-19 и т. д. [14]. Каким обоснованием определить это социально-психологическое единение и самоорганизацию?

Выводы. Таким образом, и субъектом, и носителем и современных, и прошлых войн, несомненно, выступает сам человек. Обобщение исторических событий показывает специфику социально-психологической войны (ее всюдность, вездесущность и, самое главное, технологичность). Но её обострение происходит при парадигмальном сломе ценностных ориентиров человека и общества, когда системообразующие адепты военных технологий рассчитывают не на разум и мышление, а на бессознательное и инстинктивное, что кроется в психике человека. Информационные войны включают деструктивные инструментарии психологического воздействия на рационального современника, рассчитывая на низкий уровень (отсутствие) его критического мышления, отсюда его безопасность и комфорт предполагают становление логического мышления, избирательных навыков понимания дезинформации, выбора обоснованных собственных решений человека, по сути, и представляют вызовы техногенной цивилизации.

Поступила: 08.04.2026;
рецензирована: 22.04.2026; принята: 24.04.2026.

Литература

1. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. М.: АСТ, 2018. 640 с. URL: https://archive.org/details/clashofcivilizat00hunt (дата обращения: 17.03.2025).
2. *Умберто Эко*. Пять эссе на темы этики / Эко Умберто; пер. с ит. Е. Костюкович. М.: АСТ. Эксклюзивная классика, 1998. 160 с. URL: https://booksprime.ru/books/vechnyy-fashizm/#dnld-block (дата обращения: 13.03.2026).
3. *Сталин И.В.* Отчётный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б). 26 января 1934 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. С. 282–379. URL: https://grachev62.narod.ru/stalin/t13/t13_46.htm (дата обращения: 13.03.2026).

4. *Козюлин В.П.* Состояние и перспективы международно-правового ограничения информационной войны Запада против России / В.П. Козюлин. М.: Международная жизнь, 2025. N 4. С. 67–80. URL: https://library.cbr.ru/catalog/lib/mag/992979/ (дата обращения: 13.03.2026).
5. *Айтматов Ч.Т.* Буранный полустанок // Айтматов Ч.Т. И дольше века длится день. М.: Молодая гвардия, 1981. С. 106–107. URL: https://1.librebook.me/i_dolshe_veka_dlitsia_den (дата обращения: 13.03.2026).
6. *Нейсбитт Дж.* Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции. Год 2000 / Дж. Нейсбитт, П. Эбурдин. М.: Республика, 1992. 416 с. URL: https://i.twirpx.link/file/3486395/ (дата обращения: 13.03.2026).
7. *Вебер М.* Основные социологические понятия. Избранные произведения / М. Вебер; пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 602–633. URL: https://gtmarket.ru/library/basis/3646/3648 (дата обращения: 13.03.2026).
8. *Вишневский А.Г.* Демографические последствия Великой Отечественной войны / А.Г. Вишневский // Демографическое обозрение. 2016. № 2. С. 6–42. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskie-posledstviya-velikoy-otechestvennoy-voyny (дата обращения: 19.04.2026).
9. *Манаков А.Г.* Изменение национального состава населения Северо-Запада России с 1897 по 1959 гг. / А.Г. Манаков // Псковский регионологический журнал. 2016. № 2 (26) С. 62–86. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/izmenenie-natsionalnogo-sostava-naseleniya-severo-zapada-rossii-s-1897-po-1959-gg (дата обращения: 13.03.2026).
10. *Красноженова Е.Е.* Оккупанты и население Северо-Запада России в период Великой Отечественной войны / Е.Е. Красноженова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. № 1(66). С. 16–23. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/okkupanty-i-naselenie-severo-zapada-rossii-v-period-velikoy-otechestvennoy-voyny (дата обращения: 13.03.2026).
11. *Осьмачко С.Г.* Советский коллаборационизм (1941–1945 гг.): актуальность дефиниции и социокультурный дискурс / С.Г. Осьмачко // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 3(18). С. 68–80. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskiy-kollaboratsionizm-1941–1945-gg-aktualnost-definitsii-i-sotsiokulturnyy-diskurs (дата обращения: 13.03.2026).
12. *Жуков Д.А.* Изменники, пособники, коллаборационисты / Д.А. Жуков, И.И. Ковтун // Пособники. Исследования и материалы по истории отечественного коллаборационизма: [Сборник] / ред.-сост.: Д.А. Жуков и И.И. Ковтун. М.: «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»), 2020. 464 с. URL: https://www.litres.ru/book/raznoe-47672/posobniki-issledovaniya-i-materialy-po-istorii-otechestvennog-64822657/#auth_reading (дата обращения: 13.03.2026).
13. *Ковалев Б.* Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации / Б. Ковалев. М.: Молодая гвардия, 2011. 656 с. URL: https://www.premiaprosvetitel.ru/booksauthors/view/?29 (дата обращения: 13.03.2026).
14. *Бачило Е.В.* Психическое здоровье населения в период пандемии COVID-19. / Е.В. Бачило // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2020. Т. 120. № 10. С. 130–136. URL: https://doi.org/10.17116/jnevro2020120101130 (дата обращения: 13.03.2026).